

П.И. Добротворский

В глуши Башкирии

**рассказы, очерки и наброски из
башкирской жизни**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.И. Добротворский**
В глуши Башкирии: рассказы, очерки и наброски из башкирской жизни / П.И. Добротворский – М.: Книга по Требованию, 2020. – 187 с.

ISBN 978-5-458-13297-8

Это было давно, в годину страшного бедствия, которое, на языке народном, носит очень характерное название - "голодовки". Наступала весна. Я был мировым посредником, объезжал свой участок и собирал сведения о голодающих. Снег, лежавший в степи глубоким настом, таял быстро: вершины холмов уже оголились, в низинах показалась вода.

ISBN 978-5-458-13297-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

избѣ, которую, по сравненію съ окружающими ее лачужками, право, можно бы смѣло назвать дворцомъ, потому-что у ней были и рамы съ цѣльными стеклами, и тесовая крыша, да и вся она, освѣщенная въ эту минуту ярко всыхнувшей лучиной внутри, смотрѣла какъ-то особенно уютно и весело.

— Ну-ка, остановись!—сказалъ я моему возницѣ.

Парень придержалъ вожжи, лошади стали, я вылѣзъ изъ „кошевой“.

— Нужно зайти,—здѣсь кажется; сытые живутъ!—говорю я, обращаясь къ Нестеру, съ которымъ мы объѣхали въ этотъ день не мало деревень, а видѣли только голую буквально голую нищету, да сотни голодающихъ.

Отворивши тихо ворота, тихо взобравшись на крыльцо, я вошелъ въ избу совершенно неожиданно. Нѣсколько женскихъ фигуръ и нѣсколько ребятишекъ, малъ-мала меньше, увидя вошедшаго къ нимъ незнакомца, а быть можетъ и узнавши въ немъ своего начальника, точно кучка испуганныхъ овецъ, почувявшихъ хищнаго звѣря, шарахнулись и быстро скрылись за занавѣской, составляющей необходимую принадлежность каждаго помѣщенія, въ которомъ живетъ мусульманская семья, не имѣющая у себя особой женской половины.

Я остался одинъ въ совершенно пустой избѣ: голыя нары, да „свѣтецъ“, въ котóромъ дымила, начинавшая тухнуть, лучина; ни перинъ, ни подушекъ, сложенныхъ обыкновенно цѣлой горой на нарахъ, ни самовара, всегда красующагося на виду, ни даже „кунгана“ съ тазомъ, которые необходимы для обычныхъ мусульманскихъ омовеній,—ничего не было. Въ избѣ, какъ говорится, хоть шаромъ покати.

Впрочемъ, одиночество мое продолжалось не долго: сельское начальство скоро провѣдало о моемъ прїѣздѣ и тотчасъ же явился. Первымъ пришелъ десятникъ, маленький, неуклюжій башкирь.

Здрастуй, хазретъ (господинъ),—сказалъ онъ, привѣтствуя меня и низко кланаясь.

— Отчего тутъ такая пустота?—говорю я, показывая рукою на окружающую насъ обстановку или, вѣрнѣе говоря, на отсутствіе всякой обстановки.

Десятникъ понималъ русскій языкъ плохо, почему мнѣ пришлось еще разъ повторить свой вопросъ, мѣшая башкирскія слова съ ломаннымъ, на татарскій манеръ русскимъ языкомъ.

— А, понималъ, хазретъ,—сказалъ онъ радостно, внимательно выслушавши меня,—понималъ. Становой наша деревня былъ; перина, подушка, самоваръ, кунганъ—все недоимка писалъ,—отвѣчалъ онъ такимъ

тономъ, какимъ обыкновенно дѣти разсказываютъ страшныя сказки.

Отвѣтъ этотъ нисколько не удивилъ меня, потому что я уже зналъ не одинъ случай, когда одною рукою—рукою мирового посредника—выдавалось пособіе, а другою рукою одновременно съ этимъ взыскивались недоимки.

— Все описалъ?—спрашиваю я, усаживаясь на пустую бездонную кадку, на которой вмѣсто сидѣнья была положена простая дощечка.

Началось „талалаканье“ съ бывшими за занавѣсью женщинами.

Между тѣмъ подошелъ сотскій, атлетическихъ формъ и огромнаго роста, какимъ и надлежитъ быть полицейскому стражу хранителю тишины и спокойствія; наконецъ, прибѣжалъ, запыхавшись, и староста, который, какъ оказалось, жилъ на противоположномъ краю селенія.

Пришлось повторить вопросъ. Староста хорошо понималъ и говорилъ по русски, почему и разговоръ пошелъ теперь живѣе.

— Нѣтъ, хазреть, не все. Хасянь лишній одежа къ Архипки, въ русскій деревня въ закладъ ташилъ, —отвѣчалъ староста.

Архипка—простой, русскій, зажиточный мужикъ. Здѣсь, по деревнямъ, такихъ Архипокъ множество. Всѣ они занимаются тѣмъ, что ссужаютъ нуждающихся то хлѣ-

бомъ, то деньгами; съ русскими они не церемонятся, обобратъ же башкира считаютъ чуть ли не за „спасенье“. Проценты берутся ими, особенно во время такихъ бѣдствій, какъ „голодовка“, громадныя, величину ихъ опредѣлить даже невозможно. Подобныя Архипки есть и въ деревняхъ, населенныхъ мусульманами; они, конечно, носятъ свои національныя имена: Ахметокъ, Махмутокъ или что-нибудь въ этомъ родѣ, но, говоря по совѣсти, послѣдній и лучше, и честнѣе русскаго „паука“—крестьянина.

— Гдѣ же хозяинъ?—спрашиваю я, не замѣчая въ избѣ его присутствія.

— Хасянъ? Хасянъ Оренбургъ пошелъ, „работка“ искать, хазреть,—отвѣчалъ староста, продолжая держать руки по швамъ, по-военному.

Башкиры—народъ дисциплинированный: недаромъ они составляли отдѣльное войско.

— Кто же у него въ домѣ остался?—задаю я новый вопросъ.

— Кто? Бабамъ, дѣвкамъ, „баранчукъ“ (ребятнишки) остался, да еще „бабай“ (дѣдушка).—перечислилъ староста.

Затѣмъ начинается уже опросъ, который приходилось мнѣ въ то время дѣлать въ каждомъ домѣ, гдѣ указывали голодающихъ: сколько душъ? сколько работниковъ? есть ли хлѣбъ? чѣмъ питаются? и т. д., и т. д.

Такъ поступилъ я и тутъ.

— Сколько ихъ? — спрашиваю я, доставая записную книжку и приготовляясь дѣлать замѣтки.

Новые переговоры съ невидимками, послѣ которыхъ и слѣдуетъ отвѣтъ:

— Десять люди, хазрегъ, — работникъ одинъ.

— Ну, а „икмекъ“ (хлѣбъ) у нихъ есть? — спрашиваю я.

— Баръ, баръ, баръ, — кричатъ невидимки въ нѣсколько голосовъ.

Слово „баръ“ значитъ есть.

Покажите, — говорю я, желая видѣть количество и качество имѣющагося хлѣба.

Опять слышится долгое „талалаканье“, причемъ не разъ упоминается слово „бабай“, который и самъ появляется на сцену, — появляется какъ-то совсѣмъ неожиданно, откуда то изъ-за моей спины.

Это былъ сгорбленный, совсѣмъ согнувшийся старикъ — худой, какъ мумія, на которомъ его старенькій халатишка висѣлъ какъ на вѣшалкѣ. Лицо у него было темное, землистаго цвѣта, тогда какъ подбритые усы и маленькая клинообразная борода были бѣлы, какъ снѣгъ.

Мы поздоровались. „Бабай“ почтительно, но съ достоинствомъ поклонился и протянулъ руку, я подалъ свою. Узнавши, въ чемъ дѣло, старикъ засуетился.

— Баръ, баръ, — говорилъ онъ, шамкая

своимъ старческимъ языкомъ; наклонился и полѣзъ подѣ нары.

„Бабай“ кряхтитъ, — сундукъ, который онъ силился вытащить, не поддается, староста и десятникъ бросаются помогать старику; съ помощью ихъ большой деревянный сундукъ, запертый всячимъ замочкомъ, выдвигается на самую середину комнаты.

Ключъ оказывается у „бабая“; онъ шаритъ по карманамъ, ищетъ его, наконецъ нашель, — начинаетъ отпирать. Движенія старика нервные, глаза горятъ фосфорическимъ блескомъ, руки трясутся, точно въ этомъ грязномъ, старомъ сундучишкѣ хранятся у него и не — вѣсть какія сокровища. Замокъ отпертъ, крышка поднята. Я заглянулъ туда: сундукъ былъ пустъ, по крайней мѣрѣ, онъ мнѣ показался пустымъ. „Бабай“ пошарилъ на двѣ и вынулъ оттуда какихъ-то темныхъ три круга, которые дрожавшими руками и подалъ мнѣ.

„Что это такое? Насмѣшка, что ли, надъ начальствомъ?“ подумалъ я.

— Что это такое? — спрашиваю я, возвышая голосъ поначальнически.

— „Икмекъ, хазреть, икмекъ“, — отвѣчалъ „бабай“, спокойно смотря на меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

Я взялъ изъ рукъ старика одинъ кружокъ, — кружокъ оказался твердымъ какъ камень.

— Изъ чего это испечено?—спросилъ я, разсматривая каменную лепешку вершковъ пяти въ діаметрѣ и немного толще пальца.

— Изъ муки, хазреть,—отвѣчалъ староста, видимо удивленный, что ихъ „мировой“ не знаетъ того, что у нихъ въ деревнѣ знаетъ каждый, даже самый маленькій „баранчукъ“.

Я попробовалъ было отгрызть кусочекъ: зубы не берутъ, на зубахъ хруститъ, какъ песокъ, да и цвѣтомъ-то лепешка похожа на грязный суглинокъ.

— Откуда вы такую муку берете? Сами что ли приготавливаете ее, изъ чего?—задаю я вопросъ за вопросомъ.

Староста опять переброеся нѣсколькими словами съ скрывавшимися невидимками.

Хасянь, хазреть, обработка бралъ, жнитно взялъ, такъ ему тамъ муки давали,—пояснилъ староста.

— Какъ давали?

— Въсто деньга давали,—сказалъ онъ, ухмыляясь моей наивности.—Тридцать копѣекъ пудъ бралъ, — добавилъ староста, спросивши опять предварительно женщивъ.

Пока шли все эти разспросы, ребяташки совсѣмъ освоились съ моимъ присутствіемъ у нихъ въ избѣ. Одинъ по одному они вылѣзли изъ-за занавѣски, за которой скрывались, и теперь, поджавши но-

женки подъ себя, сидѣли рядышкомъ на нарахъ, смотря съ любопытствомъ на меня своими бойкими, черными глазками.

— Отколите-ка мнѣ кусочекъ,—говорю я, передавая лепешку старостѣ.

Староста, приказавши принести ножъ, приступилъ къ исполненію моего порученія, для чего лепешка была положена имъ на нары. Дѣти просто впились своими глазами въ нее; теперь они походили на маленькихъ звѣрковъ-хищниковъ, передъ которыми лежитъ добыча и они караулятъ ее. Они готовы броситься на перваго, да же растерзать другъ-друга, если только найдется такой смѣльчакъ, который вздумалъ бы посягнуть на ихъ неотъемлемую собственность. Отколотый кусочекъ переданъ мнѣ. Звѣрки устремили на меня свой хищническій взглядъ, а когда я завернулъ его въ бумагу и сунулъ въ карманъ, дѣти наконецъ не выдержали, съ плачемъ бросились за занавѣску къ матери и разразились такимъ дикимъ крикомъ, какого я не слышалъ и, конечно, не услышу уже никогда больше: въ этомъ крикѣ слышались и горе, и отчаяніе, и жалобы, и проклятія—проклятія, сыпавшіяся на мою голову.

Подъ этотъ душу раздирающій крикъ я и вышелъ изъ дома Хасяна.

— На долго-ли можетъ хватить имъ этихъ лепешекъ?—спрашиваю я, обраща-

ясь къ старостѣ, желая сказать ему хоть что-нибудь въ эту минуту.

— Дня на два хватитъ, хазретъ.

— А потомъ какъ?

— Не знай, хазретъ—какъ-нибудь проживутъ,—отвѣчалъ онъ спокойно, какъ могъ отвѣтить только мусульманинъ, съ своей вѣрой въ предопредѣленіе.

Когда мы вышли на улицу, кой гдѣ горѣло и еще нѣсколько огоньковъ, мелькалъ слабый свѣтъ и наискось, въ небольшой мазанкѣ, сдѣланной изъ простаго плетня, обмазаннаго глиной. Мазанка стояла одиноко, безъ воротъ и безъ всякой загородки,—я пошелъ къ ней.

Сотскій предупредительно отворилъ дверь; на порогъ меня встрѣтилъ хозяинъ. Онъ былъ въ одномъ рваномъ кафтанишкѣ, надѣтомъ на голое тѣло, которое и было видно на плечахъ и локтяхъ. Согнувшись, я вошелъ внутрь: кругомъ пустота, даже обычной занавѣски тутъ не было. Около печи, отвернувшись отъ меня, закрывши лицо рукою, стояла башкирка, одѣтая такъ же, какъ мужъ...

— Сколько ихъ тутъ?—спрашиваю я моего чичероне, старосту.

— Пять люди было, одинъ „баранчукъ“ умиралъ,—отвѣчалъ онъ, спросивши хозяина.

Лучина погасла.

— Гдѣ же они?—говорю я, доставая изъ

сумки стеариновый огарокъ и зажигая его.

Опять „талалаканье“ между башкирами.

— На печкѣ хазреть.

Печь была крохотная; я заглянулъ туда. Богъ мой! Тутъ ужъ совсѣмъ нагія, прижавшись къ углу, сидятъ, скорчившись, безъ всякой одежды,—въ чемъ, какъ говорятся, ихъ мать родила.

Посѣтивъ еще нѣсколько хатъ, я приказалъ вести себя на казенную квартиру, гдѣ меня уже ждали собравшіеся старики. Медлить было некогда: я тотчасъ же приступилъ къ повѣркѣ представленныхъ мнѣ списковъ нуждавшихся въ пособіи. Работа затянулась далеко за полночь, такъ что, когда всѣ ушли, я, устроивъ наскоро постель на нарахъ, не раздѣваясь бросился на нее, думая тотчасъ же заснуть крѣпчайшимъ сномъ. Не тутъ-то было,—сонъ нейдетъ: закрою глаза.—передо мною стоитъ „бабай“, держа въ дрожащихъ рукахъ свои каменные лепешки; открою—у меня передъ глазами голая, худая точно скелетъ башкирки, трясущіяся отъ холода и испуга. Долго ворочался я, наконецъ заснулъ, но заснулъ тревожнымъ, болѣзненнымъ сномъ. И вотъ, точно въ какой-нибудь панорамѣ, проходятъ передо мною опять видѣнные мною въ этотъ день лица и сцены. Простая, крестьянская оброшенная изба—кругомъ грязь, нищета и безпорядокъ: на столѣ валяется ножикъ, на лавкѣ лежитъ